

Мих повернулся на пятках, пузо втянул и опять не смог скрыть своей радостной улыбки. Вот ведь как бывает: вчера был он Мих – орчук с Никольской, а теперь вон оно что – Ваше благородие, Михайло Терентьич. Скажешь кому – не поверят, однако ж правда. И мундир ему выдали, подумать только, самый настоящий мундир! Даром что ношенный, с какого-то большого и обрюзглого человека – на животе мешком висит, даже ремень не особо помогает, в плечах узок до неприличия, руку повернуть тесно, да все ж мундир. Обuvi, правда, не нашлось, сказал портной, что такого размеру у них сроду ни сапогов, ни штиблетов не было. А Витольд Львович, широкая душа, из выделенного ему полицмейстером авансу заказал. Не иначе как на следующей неделе обзаведется Мих и обувкой. Эх, подумать только.

Сначала все опасался. Думал, насмеются над ним господа, юродствуют. В своей жизни орчук ко многому привык, потому и не злобствовал особо. Это у людей особенность такая – очень они не любят тех, кто непохож на них. Что славийцы и дрежинцы православные, что католической ветви транкльванийцы. Да и как тут поверишь, что всерьез говорят? Коллежский регистратор хоть и самая что ни на есть низкая ступенька, однако ж классный чин. На него первого встречного-поперечного не берут. Нужно заведение учебное заканчивать или, на худой конец, экзамен в программе уездного училища сдавать. А Миху раз – и без всяких предисловий взяли. А это, на минуточку, первый орчук на государственной службе.

– Михайло, ну будет любоваться, – окрикнул его Меркулов.

Орчук нехотя отвел взгляд от залитой солнцем стеклянной витрины с надписью «Императист. Товарищество А. Ралле и КО» и обернулся на новоиспеченного титулярного советника. Витольд Львович тоже преобразился. Только в отличие от Миху двубортный мундир сидел на господине как влитой, будто и дожидался все это время достойного хозяина. Не портила Меркулова даже легкая сутулость, скорее придавая последнему некую загадочность. Мих упрасивал Его благородие купить трость, с какой господа устраивали променады по вечерним улицам Моршана, или пенсне для пущей убедительности, на что титулярный советник ответил только одно слово: «Лишнее».

Витольд Львович тем временем уже договорился с извозчиком. Тот несколько недовольно поглядывал на Миху, явно раздумывая о тяжести последнего и надежности рессор своей пролетки, но отказать уже не мог. Новая одежда и чин придали Меркулову ту твердость, которая находится аккурат между самоуверенностью и чиновничьей наглостью.

– Мих, ехать надо, – сурово повторил Витольд Львович, хлопнув себя по бедру свернутой газетой.

Орчук заторопился. Подбежал к экипажу, рьяно взобрался и уселся аж на полтора места. Меркулов чуть подвинулся, благо комплекции он был невнушительной, и раскрыл газету. Извозчик чересчур ретиво хлестнул лошадей, сам на себя раздосадованный за неприятных попутчиков, от которых не смог отказаться, и покатыл вперед.

– Эх, день-то чудесный какой, – не мог сдержаться Мих. Даже тесный на груди мундир не удерживал распирающего изнутри чувства.

Витольд Львович глянул на него поверх газеты, призадумался, пожал плечами и вернулся к чтению. Мих побряхтел, посмотрел какое-то время на пронесившиеся мимо улицы, а потом искоса стал поглядывать, чем так заинтересовался Его благородие.

«Преступление века! Ограблен Первый императорский музей».

Мих так удивился и вместе тем заинтересовался этим событием, что против своей воли

придвинулся к Витольду Львовичу, чуть ли не выталкивая его из пролетки.

- Михайло! - Недовольно встрепенулся Меркулов, ухватившись в последний момент за орчука.

- Прошу прощения, Ваше благородие. Эх я неловок сегодня.

- Ничего, - сложил газету пополам титулярный советник, - и вообще давай уже на ты. Можешь называть меня просто по имени, Витольд.

- Как так можно, Ваше благородие?

- Вот заладил, Ваше благородие, Ваше благородие. Ты пойми, для работы так неудобно.

- И пущай неудобно. Просто странно будет, ежели орчук будет девятому классу тыкать. Не поймут люди. Ежели вам удобно, могу звать господин, вроде как я же к вам лично приставлен.

- Ну хоть так, - согласился Меркулов.

- Ваше бла... господин, а что там про ограбление?

- Ничего особенного, - ответил Витольд Львович, но его задумчивый взгляд говорил ровно об обратном.

Мих допытываться не стал: не хочет говорить, так зачем клещами из него тянуть. Надумает, так скажет. Но все же газетку решил попозже достать и прочитать. Он же теперь по полицейскому ведомству проходит, надо соответствовать.

Пролетка меж тем вкатилась в Захожую слободу и, кряхтя и скрипя, пошла вдоль по набережной. Улицы здесь Мих плохо знал, ибо бывал здесь редко по причине засилия орков. Да и не сказать чтобы сородичей набивалось битком. Однако тут и одного бы хватило. Не любили орки полукровок, а уж если ты христианскую веру принял, да от Орды отрекся...

Вот и теперь смотрел Мих опасливо на редкие широкие юрты, стоявшие обособленно на пустыре для них и предназначенных. Вдруг кто полог откинет да выйдет. Зыркнет злобно, щелкнет ногтем по клыку (это, значит, кочевники так презрение свое выказывали), да рыкнет. Всю веселость и воодушевленность точно ветром сдуло. Но обошлось. Не выбрался никто наружу, не обронил бранного слова, не заметил путников.

А когда в Толмачевский переулок свернули, орчук и вовсе выдохнул. Тут пошли уже дома: эльфийские, найские, катайские, аховмедские, генерийские, транкльванийские и прочие. Дрежинцы, как православные и народ близкий к славийцам, по правам ограничены не были и могли селиться, где захотят.

- Как гоблинарцев много, - тихо заметил Мих.

И то было правдой. Невысокие, самый большой доставал до плеч обычному человеку, тоже зеленые, но не болотного цвета, как орки, а скорее изумрудные, с большими носами и здоровенными ушами. Свой самый главный недостаток - неспособность и невозможность использовать магию, гоблинарцы компенсировали удивительной изобретательностью. Один взрывчатку придумал чудовищной силы. Главное, шнур запалить да укрыться - такой тарарам будет. Другой вообразил молоко кипятить, после чего оно портилось дольше (а ведь и вправду дольше - Мих об прочитанном бабке Клавдии рассказал, охотницы до всякого веселья, она и прокипятила. Вкус стал дрянной, орчуку не понравилось, но с чаем ежели пить или кашу

варить – ничего). Третий выдумал, что и орки, и гоблинаруцы, и люди произошли от одного предка – дикого существа. И в процессе «эволюции» (Мих слово на удивление легко запомнил, от «эвона, люди, что делается») каждый стал похож на себя и каждый отличия заимел. Но вместе с тем, все мы часть единого целого, от того и полукровки существуют. Церковь, знамо дело, объявила гоблинаруца еретиком, а Мих для себя заключил, что жителей туманного острова хлебом не корми, дай какую-нибудь выдумку сделать.

– Много, – согласился Витольд Львович. – Недавнее окончание войны дает большой простор для торговли, а жители Велигоблинаруии не только хорошие инженеры, но и неплохие купцы. До эльфарицев им, конечно, далеко, но все же...

– Эльфицам да, палец в рот не клади, дьявольское отродье, – подтвердил орчук. – Главное, как что получается, ума не приложу.

– Психология, – важно проговорил Витольд Львович.

– Это еще что за зверь? – Удивился Мих.

– Наука такая, эльфийцами придуманная. Вот смотри, у них же много лавок в Моршане, и ты всяко к ним заходил?

– Заходил, – опустил голову орчук, явно переживая не самые лучшие воспоминания.

– И что они делают сразу?

– Голову морочат. «Посмотри, какой сильный, какой большой. Такой большой нужен самый лучший плащ», – передразнил эльфийца Мих.

– Правильно. Они делают сначала комплимент, тем самым снижая уровень твоего критического мышления, – поднял палец Меркулов. – Дальше...

– Плащ этот чертов в руки всучил.

– Именно, – загнул второй палец титулярный советник, – теперь ты почувствовал себя хозяином вещи. И наконец...

– Второй выбежал, стал первого ругать. Мол, этот плащ отложил себе такой-то господин, нельзя его продавать.

– И теперь ты боишься потерять вещь, – загнул третий палец Витольд Львович. – Каков итог?

– Купил я этот треклятый плащ. Дрянь, а не материал. И нужен он мне был как собаке пятая нога. Продал потом совсем за копейки.

– Да, эльфийцы – торговцы от бога, – согласился Меркулов.

Они как раз проезжали мимо одного типичного представителя этого ленивого, но очень гордого и обидчивого народа. Толстый, как приземистая трактирная бочка, элфиец сидел вразвалку на большущем мешке, раскинув в разные стороны ноги и почесывая короткое заостренное ухо. Его большие васильковые глаза говорили о честной и чистой душе, а колючая щетина и по-бандитски засунутая меж зубов спичка убеждали в обратном.

Прошло несколько транкльванийцев, высоких, худых. Внешне от славийцев не отличишь, разве что волос более темный, да сами они все прямые, от осанки до носов и скул. Воевать с ними

толком давно уже не воевали, а кабы не католичество, так и вовсе вместе с православными против кого-нибудь замирились. Следом пара генерийцев прошла. По Миху, так люди как люди, только в одеждах пестрых. Подобные в Моршане на рынках часто встречаются, очень любят мальчонки их обирать.

Вот катайцы сидят полукругом. Шаровары такие широкие, что в каждую штанину можно по выводку взрослых кур спрятать. Лицом смуглы и загорелы, глаза хищны, у каждого на боку ятаган. Слышал о них орчук, этих кто обидит – нарочно или по недоразумению, все равно головы не сносить. Сначала клинком машут, потом разбираются. И казнили бесчинцев за смертоубийства, и ссылали, только проку мало. Кровь у них горячая, что у катайцев, что у найцев (признаться, Мих в этих «халифатах»-«каганатах» не шибко разбирался, да и загорелых друг от друга не отличал).

Орчук иной раз все силился считать, чьих народов больше: человеческих или прочих. И каждый раз выходило по-разному. Помимо Дрежинии и Транкльвании на западе, до гоблинарцев, было несколько мелких людских государств. Это ниже, к югу, уже аховмедцы, эльфийцы (или эльфарийцы, как они требовали себя называть), за ними далеко за морем Найский халифат, тоже люди, к востоку катанайцы, за ними орки, а после – великая пустыня Нииба. Вот, вроде бы, и все. На первый взгляд выходило, что человеческого рода вроде бы больше. Но потом шел пересчет за тех, кто земель своих лишился и теперь жил, к примеру, у тех же козлоногих. Говорят, там тоже существ презабавных достаточно. Или вот взять диковинный народ Айта, полуптиц-полулюдей, которые, по слухам, живут далеко-далеко за пустыней на множестве островов и другие народы не жалуют. Редко когда к ним торговый корабль заплывет, но от них – ни-ни.

Вот и получалось – половина на половину. Ежели по численности смотреть, то людей, конечно, больше. Нет, козлоногие и орки тоже довольно плодovитые, семьи у них большие, но вот эльфийцы, к примеру, вовсе вырождаются. Все меньше и меньше их. У гоблинарцев легче, там даже полукровки более на них похожи, нежели на людей. Кстати, а если смешанных кровей всех учитывать, то их куда относить?

Додумать Мих не успел. Качнулась пролетка и замерла подле трехэтажного дома, единственного на здешней улице.

– Только лишний раз не дергайся, пока стражников проходить будем, – шепнул ему Витольд Львович, подходя к двери.

Мих хотел было спросить, каких-таких стражников, но господин уже расплатился с извозчиком, наказав их ожидать, слез и проворно подошел к двери. Стукнул костяшками пальцев, обождал немного и повторил. Дверь распахнулась и на Меркулова если не гневно, то явно неодобрительно зыркнул человек, который вдруг стал выше. То бишь, вот был обычного росту – не более девяти вершков, а тут в какое-то мгновение раз – выше пятнадцати вымахал. Орчук ниже посмотрел и ахнул. Не было у привратника ног, как есть не было, ниже тулова начинался толстый и длинный, свернутый в два кольца, змеиный хвост.

– Витольд Львович из полицмейстерства к Его Высочеству Бруу То Вайлу.

Змеехвостец что-то сказал, не обращиваясь, на диковинном языке, и внутри зашуршало. Стало ясно, не один он тут такой. Мих тем временем внимательнее разглядывал незнакомца. Сроду таких не видывал. Сверху чин чинарем, одет как подобает, даже на славийский манер, на поясе меч с пистолем висят, а вот ниже... Страсти какие. Если не видеть хвоста, то обычный человек. Хотя нет, глаза тоже странные, зрачок в них вытянутый, змеиный.

Позади стражника послышался голос, и привратник отошел, точнее уж одним движением отполз в сторону. Витольд Львович зашел внутрь, Мих за ним. Шагнул и замер от такого великолепия. Под ногами куда не ступи ковры, на столах подносы золотые, сама мебель резная да гнутая. И посреди всего этого великолепия стоит он, орчук, шелохнуться боится.

Второй змеехвостец повел их наверх, на второй этаж. По коридору, мимо нескольких комнат, пока не оказались они в крохотной зале.

– Здравствуйте, признаться, мы вас очень давно ждем! – раздраженно бросил козлоногий, сидящий в большом кресле в центре.

Собственно, ничего такого, обычный аховмедец – крупный, чуть больше обычного человека, но меньше орка, лицо человеческое, разве что вытянуто немного. Ноги ниже колен чуть отходят назад и превращаются в волосатые, козлиные, с копытами на концах. Единственное отличие от остальных представителей своего рода – на голове у него были крупные резные рога. Что-то значит? Высокородный перед ними. Это их, бедолаг, заставляют накладные рога носить. Поговаривают, будто раньше у всех аховмедцев такие были, шутили даже, что от неверности женщин их. Но потом вроде как пропали. То ли повыврождались настоящие жители Матара, то ли магия крови на них так действовала.

Рядом с Его Высочеством стояло еще несколько козлоногих и змеехвостец. Они, как и Бруу То Вайл, с интересом смотрели на прибывших, но без спеси. Подумал Мих, что людям у аховмедцев можно многому поучиться. Гордые, но не надменные, воинственные, но не хвастливые, суровые, но большей частью справедливые. Единственное что, уж больно горячие. Хазарцы по сравнению с ними и вовсе образчики смирения и покаяния.

– Прошу прощения, Ваше Высочество. Мы прибыли сразу, как только смогли, – сначала поклонился Меркулов, а потом ответствовал.

Орчук, ранее не бывавший при высоком обществе, попросту решил повторять за господином, чай спина не переломится.

– Мы требуем, чтобы вы в скорейшее же время нашли убийцу Рее Ол Дейна!

– Конечно, Ваше Высочество. Мы предпримем все возможное. Скажите, пожалуйста, как это произошло?

– Рее Ол Дейн возвращался из города, – раздраженно ответил козлоногий, – по своему делу. И уже в Захожей слободе, в квартале отсюда, его прирезали. Как паршивую собаку!

– По своему делу? – Удивился Витольд Львович.

– Рее Ол Дейн прислужник, но не слуга. Он вольный. Слуга вот этот, – аховмедец ткнул пальцем в змеехвостца.

– Кто обнаружил Рее Ол Дейна?

– Маар То Кин, – указал Его Высочество на старика-аховмедца, стоявшего рядом, и тот вышел вперед. Телосложением тот был похлипче принца, но все же статью обделен не был.

– Расскажите, пожалуйста, что видели, – попросил Витольд Львович.

Миху показалось, что высокородный козлоногий нервно застучал копытом об пол. Но старик,

вроде, не обратил на это обстоятельство ни малейшего внимания и стал говорить.

– Уже почти смеркалось. Я возвращался по мелкому поручению господина, – копыто при этих словах буквально застрекотало. Маар То Кин сделал паузу и продолжил. – И тогда увидел несчастного Рее Ол Дейна. Он уже был мертв.

– И никаких свидетелей?

– Ни одного живого существа.

– Может, вы что-то заметили?

– Заметил, мертвого Рее Ол Дейна, – огрызнулся старик.

– Тело Рее Ол Дейна сейчас...

– В вашем городском морге, – презрительно бросил Бруу То Вайл. – Ваше ведомство прислало какое-то предписание о «судебном осмотре и вскрытия тела в случае совершения злодеяния». Нам надо завтра сжечь его и отослать прах на родину. Я прибыл сюда от лица Его Величества обсудить вопросы мира, а моего соотечественника убивают на улицах Моршана!

– Мы обязательно найдем виновника. И я поспособствую, чтобы сегодня же вам отдали тело для «хаол ото».

Взгляд Бруу То Вайла изменился, в нем внезапно проступило уважение.

– Я буду вам очень признателен, – тон аховмедца потеплел. – Прошу прощения, я не запомнил, как вас зовут.

– Меркулов Витольд Львович.

– Вы мне нравитесь, Витольд Львович. Прошу вас, найдите преступника и пусть его смерть будет долгой и мучительной.

– Я приложу все силы, – поклонился Меркулов.

Мих повторил движения господина, а пока нагибался, думал: «это к чему хозяин все силы приложит: чтобы найти душегубца или убить его наиболее мучительно?».

Уже оказавшись в послушно ожидавшей снаружи пролетке, орчук отер лоб и почувствовал, как взмокла спина. Не его это дело вести переговоры, хоть и молчал, а вон как утомился.

– Любезнейший, в городской морг.

Извозчик выпучил глаза, но ума промолчать хватило.

– Что, Михайло, думаешь? – когда пролетка побежала по мостовой, спросил Меркулов.

– А чего тут думать, – деланно беззаботно отвечал орчук, хотя в голове у него все закипело. Как же, его сам господин спрашивает, – не говорят всей правды. У этого старика, как бишь его... Макар...

– Маар То Кина, – подсказал титулярный советник.

- У него глаза бегали. И рожу он два раза тер, верный признак.

- Так ты у нас физиогномист? - Удивился Меркулов.

- Вы, господин, если обижать хотите, обижайте, я привычный, - потупился Мих. - Только просьба одна, на людях не поносите.

Витольд Львович рассмеялся, наверное, впервые за все время их знакомства. Ладно хохотал, по-мальчишески, закидывая голову и хлопая себя по колену. Вроде как ни старался быть холодным и сдержанным, а жизненный ключ все равно бил в нем изнутри.

- Физиогномика - наука чтения человека по лицу. То есть, посмотрел и сразу понимаешь, каков перед тобой собеседник, добр ли, зол, болен-здоров.

- Экие вы все слова придумываете заковыристые, - изумился большому уму господина Мих.

- А в общем ты прав. Маар То Кин волновался. Но говорил правду. Только ту, которую ему разрешил поведать Бруу То Вайл.

- Как же он запрещал, ежели молчал?

- У аховмедцев, помимо своего языка, есть диковинный метод общения, придуманный чуть меньше ста лет назад неким Морз Эс Эмом. Это своего рода способ кодирования. Ну, то есть...

- Меркулов увидел озабоченное лицо Муха и задумался, - смотри.

Он четыре раза постучал костяшкой пальца о деревянный обод сидения, причем после второго удара сделал небольшую паузу.

- Это на морзянке буква Л. А из букв можно складывать слова и общаться друг с другом. Выглядит лишь трудно, на деле ничего особенного. Один из гоблинарцев недавно и вовсе придумал передавать подобным образом сообщения по проводам.

- Чего только в мире не делается, - пошла у орчука от обилия сведений кругом голова.

- Другие пробовали передавать сигналы подобным образом с помощью света... - Витольд Львович вдруг запнулся, поняв, что его занесло куда-то не туда. - Так вот, Его Высочество сказал Маар То Кину, чтобы он не говорил о положении убитого. О каком положении, спрашивается?

- А спрашивал этой перестукивалкой на каком языке? - Поинтересовался Мих.

- На аховмедском. Я умею на нем бегло разговаривать, знаю несколько их обычаев, отец научил, - сразу пресек дальнейшие расспросы Меркулов. - Еще вопрос: Толмачевский переулочек, один из самых проходных, после смерти аховмедца вдруг пустеет. Это на закате! А ведь Захожая слобода...

- Стоит до утра, - закончил известную в народе присказку орчук.

- Именно. Знают, кто это сделал, точно знают, но очень боятся. Ладно, с этим мы еще разберемся. Есть у меня пара идей. Вот только посмотрим, что там с Рее Ол Дейном. Человеческое тело, то есть, тело всякого существа, даже после смерти может многое о себе рассказать. Или ты противишься мертвым?

- Да бог с вами, господин, чего их противиться? Покойники самые незлобивые существа, что

аховмедец, что человек. Другое дело живые. Вот кого опасайся. Я к другому. Покушать бы чего, господин. Вы не думайте, мне Его высокоблагородие Константин Никифорович авансу дал, я заплачу.

- Да, признаться, несколько забыл о еде, - смутился Витольд Львович.

- Вы, господин, не обижайтесь, я орчук простой, но вам бы с едой как раз дружить надобно. Любую пищу, что пожирнее, понаваристее, похлебки разномастные, каши явствовать. Мясо, опять же, но не жареное на катыйский манер, когда весь сок из него выходит, а в супе, чтобы с бульоном. Можно картошку попросту отварить, натереть чесноком да зеленью посыпать...

- Понял, понял, - нетерпеливо отмахнулся Витольд Львович, раззадоренный рассказами орчука, вследствие чего у Его благородия призывно заурчала утроба. И правду ведь, почти ничего не ел сегодня. - Но сначала в морг, а то чего доброго замутит еще.

- Вы зря это, господин, я не впечатлительный. Бывало и в мертвецких подрабатывал: мыл, убирал...

Они выкатились из Захожей слободы, пересекли Яулу, с ее вечно темными и дурно пахнущими водами, и оказались обратно среди людей. Ровным счетом ничего не изменилось, скорее уж тебя здесь могли приголубить сталью чаще или на худой конец попросту утянуть что из кармана, однако ж извозчик заметно успокоился. И сам орчук чувствовал себя «там» в стесненном расположении духа. Попривык он к людям, а те, хотя зачастую и шарахались его, но виде, что Мих смирный да не буйный, постепенно привыкали.

- Ваше благо... господин, у меня к вам вопрос один.

- Говори, - кивнул Меркулов.

- Уж больно интересно, - признался Мих. - Я об магии слышал, конечно. У орков она шаманская, у катыйцев с джиннами связана, а аховмедцев с кровью. А вот о людской...

- Что ж, - Витольд Львович нахмурился, раздумывая с чего начать. - Про Ковчег ты уж слышал поди?

Мих согласно кивнул. Кто ж про Ковчег не слышал? Надобно либо дремучим совсем быть, либо человеком, к этому миру вовсе не привязанному.

- Так вот, дворянские семьи, вместе с Его Величеством Иоанном Васильевичем, с Ковчегом связанные, получили от него силу. Магию то есть. У всех она различная, разной полезности и важности. Кто-то после этого стал известен, как, например, Аристовы, Телепневы, Лазаревы или Волжины. Другие, напротив, ушли в тень, хотя силы своей не потеряли. Третьи - слишком расплодись и практически исчерпали магию. Ты ведь знаешь, чем больше отпрысков в дворянской семье, тем слабее способность.

Мих о том не ведал, куда уж ему, орчуку, до таких таинств, но на всякий случай кивнул.

- Наша фамилия тоже из древних, - голос Меркулова при этом стал безрадостным, - но мы долгое время старались не участвовать в политических кознях, не пытались залезть наверх, поближе к Кремлю, но все равно попали под жернова заговора...

Витольд Львович замолчал и посмотрел на выступавшую из-за домов башню Моршанского детинца, обители славийских царей, а уже позже императоров. Мих проследил за его взглядом

и чуть не перекрестился. Очень уж он этого Кремля боялся, да и на Пальной площади, не только для славийцев открытой, но и для всего иноземного люда, был всего один раз. И ладно бы причина какая была, но вот сидело внутри него что-то, то звериное чувство тревоги от кочевников по крови переданное.

– После Отречения от магии отца, вся его сила распределилась между остальными Меркуловыми. Нас вообще никогда много не было...

– Я слышал, господин, в полицмейстерстве болтали, будто его сослали.

– Сослали, после Отречения. Магию можно добровольно передать, как было на дуэли, даже продать или отречься от нее, – совсем грустно ответил Витольд Львович. Даже Мих теперь видел, что разговоры про родителя доставляют ему большое душевное беспокойство, но сам не знал, как повернуть разговор вспять. – Если уж говорить о моей магии, о магии семьи Меркуловых...

Он достал монету и молча протянул ее Миху. Орчук, недоумевая, аккуратно подобрал ее двумя пальцами и положил на здоровенную ладонь.

– Подбрось и поймай, – предложил Витольд Львович.

Орчук послушно подкинул мелкую деньгу, расставил пальцы, не сводя глаз с монеты, раз и захлопнул ее в кулаке. Прислушался к ощущениям и понял, что ничего не холодит кожу.

– Держи, – протянул Меркулов, протягивая ему копейку. – Я с детства очень быстро бегал, обладал отличной реакцией. А с четырнадцати лет, когда семейная магия стала проявляться, понял, что намного быстрее любого человека.

– Так вот вы как на дуэли того высокоблагородие одолели, – смекнул Мих.

– Невидимость хорошая способность, но он не стал бестелесным. На моем уровне восприятия биться с ним было нетрудно.

Мих от множества умных слов смешался, но общий смысл понял. Его благородие на любой удар может прежде ответить, потому что особой магией обладает. Другой на его месте майданщиком карточным стал в любом кабаке при подобной ловкости или бретером на худой конец. Слышал орчук, что есть особые люди, которым огромные деньги платят, лишь бы они на дуэль неудобных людей вызывали и убивали их. Но куда там. Витольд Львович дворянского имени, Ковчег все же. Мих тут подумал, что, может, потому только дворяне магией и обладают, что воспитаны самым замечательным образом и потому свои способности на низменные потребности не используют.

– Приехали, Ваше благородие, – повернулся извозчик.

Пролетка встала перед широким двухэтажным зданием с потертыми дверьми. Мих попытался было прочитать табличку, но Витольд Львович уже расплатился со свойственной ему быстротой, которую теперь орчук хотя бы мог объяснить.

– Ну давай, Михайло, посмотрим, что это за аховмедец такой был Рее Ол Дейн.

Извозчик натянул поводья, издал губами звук «тпру» и остановил экипаж. Хотел обернуться,

но рука, облаченная в черную перчатку, прервала его, упершись в щеку.

- Не балуй. Предупредил же.

Голос был неприятный, низкий, совсем неподходявший облику пассажира. Точнее уж фигуре, плотно закутанной в дорожный плащ с ног до головы, которую все же удалось разглядеть при очередном лихо закрученном повороте. Росту невысокого, точно гоблинец, эльф худой (хотя такого не бывает) или карла человеческая, но в руках сила недюжинная. И ловкости был необыкновенной, так быстро в повозку вскочил да ткнул под ребра, приказал не останавливаться и следовать «за господином в пролетке».

Та, кстати, уже с минуту как остановилась. Высокий господин поговорил с извозчиком, дал ему денег и вместе с орчуком, наряженным не иначе как в мундир (для смеху что ли?), вошел в здание. Извозчик тут же почувствовал, как клинок, который он ощущал под ребрами всю дорогу, исчез.

- Ваше высокоблагородие, - перестраховался ванька, сразу повысив незнакомца аж до шестого чина. - Как и просили, в последовали за пролеткой. Она вона что, уезжает. Вы расплатитесь и уж тоже...

Под ребра опять уперлось твердое и неприятное, заставившее извозчика замолчать.

- Жди.

И без того день был жаркий, а от постоянного напряжения рубаха на извозчике вся вымокла. Десятки дум уже перебрал, поклялся себе не стоять больше у Захожей слободы. Да, пускай иногда богатые иноземцы встречаются, которые города не знают, вози их кругами да переулками хоть до двух часов кряду, а потом ломи цену, но жизнь своя дороже. Ведь встречается и такой лихой люд, вернее нелюд.

Не разберешь его, и ведет себя странно. На лихоимца не похож, на филера тоже. Вот ведь, следуй. Конечно, извозчику тоже было интересно, что там за орчук такой, однако пассажира, по всей видимости, больше интересовал высокий господин.

- Давай к Столешникову переулку, - решил наконец незнакомец.

- Ваше высокоблагородие, переулок большой, уж скажите куда именно.

- Болтаешь много. Ты правь, я покажу куда.

Извозчик с досадой скрипнул зубами и зло хлестнул лошадь. Только начал надеяться, что сейчас вот-вот отделается от ужасного пассажира, как снова здорово. Повозка бойко набрала ход и, выскочив на Михайловскую, чуть не столкнулась с крестьянской телегой.

- Успокойся, не на пожар спешишь, - спокойным ровным тоном шепнул незнакомец.

Ваньке пришлось кивнуть и послушаться. Уж очень упорно под ребрами холодил острый предмет, не иначе синяк останется. А неназвавший свое имя знай спокойно сидит, не шелохнется. Выдержка у него, как у транкльванийца какого. Те тоже вечно холодные, смурные, ничем не возмутимые. Живут головой, а не сердцем.

- Не гони, - сказал пассажир, хотя ехали они и так не шибко скоро.

Таким макаром они протряслись еще пару домов, и только достигнув Столешникова переуллка, даже не въезжая в него, остановились. Быстро и по вполне понятной команде, когда давление на спину ослабло, а шеи коснулась холодная сталь.

– О поездке нашей никому не обмолвишься. Уйду, в сапог левый заглянешь и деньги найдешь. Больше, чем следует. Вякнешь кому обо мне, найду. Веришь?

Извозчик хотел было кивнуть, но уперся подбородком в клинок. Однако незнакомец все понял.

– Вот и ладно.

Мгновение, и сталь исчезла. Ванька дрожащей рукой потрогал кровавую полосу на шее, и, вздрогнув, обернулся. Никого. Сунулся в сапог, сначала в правый, потом в левый и вытащил бумажную «канарейку». Это когда он рубль успел засунуть? Смял банкноту и хлестнул лошадей. Чтобы еще раз он в Захожую поехал, да не приведи Господь!

<http://tl.rulate.ru/book/9351/177126>